

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316-47

DOI: 10.17223/1998863X/41/10

М.О. Абрамова, Е.В. Сухушина, А.Ю. Рыкун

ВОСПРОИЗВОДСТВО МАСКУЛИННОСТИ: СЕМЬЯ КАК ОСНОВНОЙ АГЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ¹

С помощью гендерной социализации мальчики усваивают образцы маскулинности. Сегодня семья, базовый агент социализации, находится в кризисе. Кризис характерен и для маскулинности и выражается в размывании традиционного канона, плюралистичной мужественности и противоречивых требованиях к мужчинам. Это влияет на процессы социализации подрастающего поколения мальчиков. Эмпирические данные получены с помощью социологического исследования – полуструктурированных интервью с молодыми мужчинами. Рассматривается, какие члены семьи оказывают влияние на воспитание мальчиков. Показывается, что роль семьи в социализации, а следовательно, и воспроизводстве маскулинности остается очень значимой.

Ключевые слова: маскулинность, мужественность, семья, социализация мальчиков, агенты социализации.

Понятие социализации и ее основные агенты

В научной литературе нет споров относительно того, что человек не рождается сразу готовым членом общества, а становится им впоследствии – благодаря социализации, процессу усвоения представлений, ценностей, норм. В соответствии с концепциями социального конструктивизма, интернализация реальности включает «перенимание-от-другого»: ребенок идентифицирует себя со значимыми другими, выступающими посредниками между ним и обществом, и интернализирует их роли и нормы, делая их своими. Социализация длится всю жизнь, однако наибольший интерес вызывает первичная социализация, происходящая в детстве. Установки и паттерны поведения, усвоенные в этот период жизни, наиболее прочны и стабильны, а основная структура вторичной социализации в целом сходна со структурой первичной [1].

Долгое время семья как агент социализации доминировала, при том родители не концентрировались на задачах воспитания подрастающего поколения. В крестьянских семьях обучение и включение в трудовую деятельность детей (чуть ли не с 3–4 лет) осуществлялись в рамках домохозяйств. В семьях ремесленников юноши покидали дом для обучения у мастеров, но когда период первичной социализации уже завершился. Позже – в буржуазных семьях XVIII–XIX вв. воспитание детей в первые годы жизни осуществлялось исключительно родителями, затем для этой роли нанимались учителя. Однако обучение проходило на дому в соответствии с родительскими норма-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-03-00842 «Настоящие» мальчики: современные вызовы социализации».

ми и правилами, а играть на улицах детям из этих семей не разрешалось: семья и улица противопоставлялись. Промышленная революция изменила уклад семьи: отец семейства большую часть времени начал проводить вне дома. Если женщины работали (что зависело от дохода отца, главы семьи), за маленькими детьми присматривали старшие братья и сестры, дедушки и бабушки, иные родственники и соседи, а также «воспитательницы» и детские учреждения. Старшие дети помимо школы были предоставлены улице, а также нередко работали на фабриках [2]. Тенденция индустриального общества – отток отцов на производства – приводит к жесткому разделению ролей в семье и фактическому выключению отца из процесса воспитания детей. Происходит переосмысление представлений о мужественности. Образ отца разделяется на два: первый – недоступный и далекий, второй – презируемый за это и бессильный [3].

Типичным становится говорить о кризисе семьи. Представление, что современное состояние семьи во многом патологично, зиждется на идеализации патриархального типа устройства, в первую очередь крестьянской семьи, а также парсонсианском подходе (семья как институт необходима в силу выполнения конкретных задач, а их невыполнение свидетельствует о глубокой институциональной дисфункции). Данный подход получает название «консервативно-кризисный». Иное представление: кризис – это трансформация модели семейного устройства, появление альтернативных типов семей. Такой подход называется эволюционным, или «либерально-прогрессистским». Он предполагает, что вариативность моделей семьи связана с социальными изменениями в обществе, выражающимися в смене ценностных парадигм [4]. Подчеркнем, что второй подход нам представляется более конструктивным.

В современном обществе число агентов социализации значительно больше, чем в традиционном: детский сад, школа, секции и кружки дополнительного образования, сверстники, «двор», а также СМИ, группы в социальных сетях, интернет-пространство в целом и др. Чем старше ребенок, тем слабее роль семьи и тем больше агентов социализации оказывает влияние на него. Не отрицая негативных явлений, происходящих с семьей (разводы, одноподродительские семьи и пр.), семья все же остается сегодня наиболее значимым агентом социализации. Она представляет собой самую первую группу, с которой дети встречаются, где в раннем возрасте они непрерывно контактируют со значимыми другими, да и позже именно здесь они проводят значительную часть времени, имея возможность наблюдать за ролями, которые выполняют родители.

Гендерная социализация и маскулинность

Социализация включает в себя такие составляющие, как культурная, политическая, профессиональная, а также гендерная. Под гендерной социализацией понимается процесс усвоения норм, правил поведения, социальных установок в соответствии с культурными представлениями о роли, положении и предназначении мужчины и женщины в обществе [5]. Получая представление о феминном и маскулинном, индивид узнает, как следует вести себя в соответствии с социальными ожиданиями к своему полу и в итоге овладевает гендерными ролями и нормами. Эмпирические исследования показывают, что нормы и правила поведения в семье, отношения в ней детей с

родителями крайне важны и иногда важнее иных объективных факторов, как, например, формальный статус родителей, в формировании подрастающего поколения. К примеру, чем более традиционные взгляды свойственны родителям, тем более традиционные взгляды демонстрируют и их дети [6].

К основным механизмам гендерной социализации относятся подражание, идентификация, внушение, убеждение и конформность. Если конформность (воспроизведение принятых в обществе гендерных норм, в том числе неосознанно) свойственна, скорее, взрослым, то подражание и идентификация являются первыми способами усвоения гендерных ролей: ребенок наблюдает за поведением родителей и воспроизводит в качестве образца поведение родителя его пола. Внушение и убеждение – способы воздействия родителей на ребенка, где внушение является эмоциональным воздействием, а убеждение основывается на логике [5].

При этом современные теории социализации подчеркивают важность роли самого ребенка в развитии гендерной идентичности и понимании гендерной роли. То есть социализация не является односторонним процессом: с одной стороны, родители передают ребенку свой социальный гендерно-ориентированный опыт, но с другой – ребенок его интериоризирует и воспроизводит, корректируя и трансформируя в соответствии с личностными характеристиками и предпочтениями [7].

Нормативный канон маскулинности (иначе – традиционная мужественность), воспроизводимая в течение долгого времени, включает, согласно Р. Бреннону [8], в качестве обязательных мужских черт «настоящего мужчины» четыре основные характеристики. Во-первых, это избегание чего-либо женского: мужское и женское противопоставляются, женщины «отличаются» от мужчин не только по своим физиологическим, но и психологическим, культурным характеристикам. Во-вторых, мужчина должен быть сильным и не может проявлять слабость, чему соответствует высказывание, что «мужчины/мальчики не плачут», а единственной легитимной эмоцией признается гнев. В-третьих, мужчина должен находиться в соревновательной позиции, причем он не только должен быть лучше женщин или стараться превосходить других мужчин, но и самого себя: «настоящий мужчина» не может довольствоваться полученным, он всегда должен стремиться достичь большего успеха. В-четвертых, мужчина должен быть всегда готов к подтверждению своей позиции готовностью применить насилие.

Изменения в обществе, в структуре общественного разделения труда приводят к ослаблению гендерной поляризации [Там же]. Дестабилизирует гендерные различия и феминистское движение: женщины присваивают области, считавшиеся мужскими, ставят под сомнение традиционное представление о гендерной сегрегации. Вопрос «Что есть мужчина?» актуализируется и является предметом переосмысления [3]. Таким образом, в конце XX в. обществу свойствен не только кризис семьи, но и кризис маскулинности [9, 10]. На место размытого традиционного канона приходит модель плюралистической мужественности [11–13].

Однако говорить о исчезновении традиционного канона маскулинности не приходится. Уильям Поллак вводит понятие «мальчишеский кодекс» [14], который, основываясь на правилах, очень близких по смыслу к описанной выше нормативной мужественности Р. Бреннона, навязывается мальчикам.

Во-первых, мальчик должен быть «крепким орешком», никогда не проявлять свою слабость; во-вторых, быть достаточно жестоким и агрессивным и готовым к противоборству; в-третьих, стремиться к достижению власти, статуса, влияния; в-четвертых, «не быть девчонкой», т.е. не показывать чувства, скрывать нежность и привязанность. Слишком раннее эмоциональное отделение мальчиков от матери – ключевая характеристика воспроизведения мальчишеского кодекса. Уже в старшем дошкольном возрасте от мальчиков ждут проявлений «мужественности», их лишают эмоциональной поддержки. В итоге во взрослом возрасте представителям мужского пола сложно выражать свои чувства и устанавливать близкие отношения как с партнером, так и с собственными детьми.

Результаты социологического исследования

Для рассмотрения процесса социализации мальчиков в обществе проведено социологическое исследование: полуструктурированные интервью с элементами биографического. Всего проведено 16 интервью со взрослыми мужчинами в возрасте от 25 лет до 41 года, часть из которых воспитывалась в полных семьях, часть – в материнских. Обращение к уже состоявшимся взрослым позволяет включить в анализ рефлексии самих «субъектов» и ретроспективно оценить процесс социализации.

Роль родителей в социализации мальчиков

Информанты подтверждают, что их родители играли существенную роль в их взрослении. При этом в первую очередь речь идет о матерях, которые традиционно осуществляют большинство воспитательных функций по отношению к ребенку. Случаи, когда матери прямо не участвуют в процессе социализации, связаны с глубоким социальным неблагополучием, социальным сиротством: в таких ситуациях отец тоже не берет на себя воспитание детей.

При этом информантам, выросшим с двумя родителями, не всегда легко отвечать на вопрос о том, как распределялись обязанности по воспитанию между отцом и матерью: трудности вызывает попытка обозначения зоны ответственности отца. Обнаруживается, что эта зона либо крайне мала, либо представляет случайный, разовый «набор».

Я даже не вспомню, что я делал совместно с отцом (пауза, думает). <...> Я больше участия помню как-то от мамы. Отец работал, делал какие-то свои вещи, приходил уставший. Либо что-то свое делал, либо садился за стол почитать книжку, чай попить и спать. Ааа, я вспомнил! Отец всегда по утрам готовил яичницу для всей семьи, он и меня научил готовить яичницу (смеется). Ну и что-то такое» (Мужчина, 27 лет).

Получается, что, несмотря на уже проявившийся либеральный тренд [15], заключающийся в более активном включении отца в жизнь и воспитание детей, для российских семей, когда наши информанты были детьми, данный тренд не был типичным. Исключения наблюдаются лишь в отдельных случаях, например в творческих семьях.

Мы достаточно часто общались: он меня брал на различные мероприятия, ну и просто я видел, как отец поступает в тех или иных ситуациях. <...> И в закулисе был, и в оркестровой яме даже сидел в театре музыкальной комедии... (Мужчина, 28 лет).

Можно говорить о типичности модели «отсутствующего отца». В рассказах информантов наблюдаются проявления так называемого «голода по отцу»: мужчины описывают свой опыт взаимодействия с отцом как явно недостаточный.

И, конечно, копировал отца. Потому что он для меня всегда был какой-то дефицитной фигурой, поэтому нужно было ловить момент» (Мужчина, 30 лет).

«Дефицитность» приводит к особой ценности фигуры отца. Одновременно присутствие матери в собственной жизни скорее обыденно и в итоге может вовсе обесцениваться.

От отца нам попросту больше нравились какие-нибудь сказки, играть во что-нибудь больше нравилось с ним. Ну вот, просто потому что. Как бы для нас не в новинку было, что мама это делает, а ну вот батя там пришел с работы, рассказал сказку, вот это угарно (смеется)» (Мужчина, 26 лет).

Особое место во взрослении занимают «серьезные разговоры с отцом», где предмет обсуждений – мировоззренческие (неповседневные) темы либо серьезные проступки детей. Отмечая немногочисленность разговоров, информанты считают их серьезно повлиявшими на становление своей личности (действие механизмов внушения и убеждения). И здесь также наблюдается противопоставление позиций матери и отца.

Если мама все время воспитывает, то по рукам ударит, то еще что-то, то отец занимается своими делами, работает и потом как-нибудь подойдет, скажет: «Так, сын, нам надо поговорить». Было несколько таких разговоров» (Мужчина, 30 лет).

С мамой как обычно – вспышка гнева, сиюминутная ругань какая-то и все: ах ты такой-сякой! А с папой – это надо сесть напротив, под испытывающим взглядом, он тебе начнет там что-то объяснять, где ты был не прав, да, что называется – грузить. Я вот этих бесед больше боялся, чем там, когда мама вспылит или еще что-то (Мужчина, 41 год).

Отмечается и то, что отцы значительно спокойнее относятся к занятиям ребенка, включая рискованные мероприятия, вызванные желанием познавать мир, и даже могут подталкивать к ним.

Мама как раз любит бить по рукам: «Так, сюда нельзя, то не делай. Да и вообще: „не дай бог, не расстраивай мать“». Папа как-то в этом отношении более спокойно ко всему этому относился. Если я что-нибудь не знаю там, порву, поцарапаюсь... Игры, понятно, были более опасные (смеется). Но он как-то пытался меня вытолкнуть в мир и показать, что с ним, с миром, можно что-то делать (Мужчина, 30 лет).

Наблюдаются и случаи неумения отца выстроить отношения с сыном, свидетельствующие о действии «мальчишеского кодекса». Становясь взрослыми, сыновья переосмысливают ситуацию, находя оправдание в отрицательном биографическом опыте отцов.

Он сам без отца рос, то есть там полная безотцовщина, и в школе он был... ну там, не самым успешным в плане учебы... тем более район такой, что ему говорили – по тебе тюрьма плачет. <...> Поэтому воспитание-то проявлялось, в итоге только и помню, что – подзатыльники, угол, ремень за любое непослушание, ну или как мне казалось – за любое. А ему было просто

как-то трудно подойти, потому что его самого примерно так воспитывали (Мужчина, 31 год).

В семьях, где есть отец, у мальчика имеется возможность «считывать» мужские роли с поведения отца. Сам факт присутствия отца рядом ценится (механизмы подражания и идентификация отрефлексированы мужчинами).

То есть я понимаю, что я сформировался как личность, таким, какой я есть, – именно в чем-то повторяя. То есть папа для меня был не то, что я с ним чем-то занимался. Просто он был для меня какой-то моделью, примером (Мужчина, 41 год).

Воспитание мальчиков в материнских семьях

Статистика свидетельствует, что в настоящее время в России почти 30% семей с детьми – неполные, в свою очередь, 90% семей с одним родителем – это материнские семьи [16]. Эта тенденция существует не только в России, но и во всем мире.

Мужчины в качестве последствий отсутствия рядом отца называют позднее освоение возможных моделей мужского поведения, необходимость вести самостоятельный поиск, а не научение посредством подражания отцовскому примеру.

Так вот сложилось, что все эти особенности мужского поведения мне пришлось осваивать конкретно самому, до чего-то доходить, то есть даже сейчас я чего-то не понимаю, не знаю, хотя мне уже 25 лет (Мужчина, 25 лет).

В неполных семьях обнаруживаются непростые межпоколенческие отношения между матерью и сыном. Информанты используют термин «гиперопека», говоря о стремлении матери защитить ребенка (в том числе даже от мнимой опасности), удерживать его около себя во имя безопасности.

То есть, естественно, это все гиперопека. Я уже потом все осознавал. Потому что единственный ребенок, она решила себя отдать ребенку, не строить отношения с другими мужчинами, потому что ребенок больной, его нужно защищать, охранять. И нужно ему отдать все. И вот до сих пор, это уже немножко заканчивается, но все равно еще есть: «Я тебе все отдала, а ты мне...» (Мужчина, 32 года).

Компенсируя несложившиеся отношения с представителями противоположного пола, матери порой стремятся создать «идеального мужчину», не учитывая индивидуальных особенностей ребенка и не давая возможности проявлять себя, раскрыв свои достоинства и, главным образом, недостатки. Так, один из информантов описал цель собственного воспитания матерью как попытку создать из него «мужчину для женщины», а не самостоятельную личность:

Ее воспитанием было воспитание интеллигентного мальчика такого, то есть я должен быть порядочный, аккуратный, опрятный, убираться в комнате, ничего лишнего не говорить, близким – вежливым, девочек не обижать. Ну и, значит, стандартный набор (Мужчина, 30 лет).

В итоге мужчины могут стремиться сопротивляться, выйти из-под контроля матери, конфликтовать с ней, что может продолжаться даже во взрослом возрасте.

Образ отца

Как правило, для мужчин, которые прожили под одной крышей с отцом все свое детство, характерен позитивный образ отца. Его внимание настолько значимо, что перевешивает даже серьезные недостатки, усложняющие жизнь семьи (включая, к примеру, алкоголизм).

Всегда было здорово, конечно. Кроме тех моментов, у него были проблемы с алкоголем. И бывает там, что он что-нибудь пообещает, куда-нибудь сводить, ты просыпаешься такой довольный, а он пьяный спит. Но это было, конечно, неприятно (Мужчина, 30 лет).

В семьях, где отцы ушли из семьи или вовсе не жили вместе, развод и уход мужчины из семьи порой воспринимается детьми и как «развод с ребенком», что приводит к разрыву отношений, формированию негативного образа отца.

Отца, получается, через год или через два женился на другой. Завел одного, потом второго ребенка <...>. С ним не общаюсь, и желания как бы нету. Ну, человек от меня отказался. Зачем? Для какой цели? (Мужчина, 30 лет).

Отцы могут прикладывать усилия по поддержанию отношений с сыновьями, но это не всегда ценится последними. Можно предположить наличие зависимости оценки отца от качества и плотности такого общения. Так, негативные оценки проявляются в ситуации нерегулярных взаимоотношений.

Были периоды в детстве, когда я к нему приезжал в гости. Не сказать, чтобы эти периоды мне чем-то запомнились, поскольку с ним было не особенно интересно, а ему со мной тем более. Он приезжал со мной гулять, а я приезжал к нему пару раз на каникулы <...> в младших классах, на неделю или две. Но очень быстро перестал это делать, потому что не нашел с ним общего языка (Мужчина, 25 лет).

При этом, напротив, положительное отношение к отцу может сформироваться даже несмотря на то, что ребенок никогда не жил с отцом под одной крышей, но тот стабильно поддерживал отношения с ним.

С отцом общался ну, постоянно, в принципе, ну несколько раз в неделю. <...> То есть в детстве он мог, допустим, каждый день брать меня на прогулку. Ну, соответственно, по мере взросления реже: три раза в неделю, два. Буквально вот в 5–7 минут ходьбы он жил. То есть, ну, в шаговой доступности (Мужчина, 31 год).

Одновременно мужчины, которые никогда не знали своего отца, высказывают нейтральное или даже равнодушное отношение: для этой группы интервьюируемых фигура биологического отца незначима, они не склонны заострять на ней внимание.

Вот сейчас я, да, с родным отцом встретился, а так до этого раньше у меня не было желания с ним встречаться. Просто мамка попросила, что надо как бы, что жизнь коротка... Воспоминания не «не очень», а их просто нет. А судить я кого-то не берусь. Каждому своя дорога, как дальше жить и строить, я имею в виду (Мужчина, 40 лет).

Роли других членов семьи

Хотя, рассуждая о семье, исследователи чаще всего говорят о нуклеарной семье, которая имеет структуру, основанную на отношениях: муж – жена и родители – дети [17], следует сразу отметить, что ситуация, когда в воспи-

тании мальчика принимают участие иные родственники, не является необычной. Помимо родителей, оказывающих влияние на воспитание уже взрослых мужчин, обнаруживаются представители трех поколений: старшего возраста (бабушки, дедушки), среднего возраста (дяди, тети) и одного поколения с интервьюируемыми (старшие братья – родные и двоюродные).

Активно участвующие в воспитании бабушки, иногда – дедушки, могли забирать внука на воспитание к себе, жить вместе с семьей своего сына/дочери одним домохозяйством или приезжать время от времени. Бабушки и дедушки оказывают «дидактическое» влияние, основные их методы – наставления. При этом влияние бабушек на семейный уклад могло оказываться более значимым, чем родителей, и в частности мамы.

Мнение бабушки в доме было главным... ее все боялись, она много кричала, в общем, мы с ней предпочитали не связываться (Мужчина, 25 лет).

При этом, изучая воспоминания мужчин, можно сделать следующий вывод: бабушка перестает восприниматься мальчиком положительно, как только начинает навязывать свои правила и выполнять неправомерные в глазах ребенка надзорные или контролирующие функции.

Ну и, в общем-то, когда мне говорили «бабушка едет к нам в гости», представлял: за малейшую оплошность она будет сидеть меня отчитывать, просто пропесочивать и читать нотации (Мужчина, 31 год).

Бабушка попортила нервы, потому что была советским учителем, партийным работником <...> И всякие такие вещи нужно было сделать прямо либо все очень хорошо, либо <...> как она считает. То есть нет другой точки зрения, нет другого понимания реальности, кроме как у них. Они знают, они пожилы. А ты тут вообще кто?! Мы тут лучше (Мужчина, 32 года).

Специфика влияния родственников среднего возраста заключается в приобщении к «образцам свободы» – нормам поведения и отношениям, более желанным, открытым, свободным и демократичным, чем принято дома.

Никаких нотаций, вообще никаких нотаций. Я мог делать что угодно, я помню даже: «А можно мне типа суспенки съесть не две ложки, а три?», потому что мне все запрещали. «Да ешь ты что хочешь, хоть банку съешь» (Мужчина, 31 год).

Особенное место в отдельных семьях в воспитании мальчиков играют старшие братья. В некоторых случаях именно старший брат становится воспитателем подрастающего мальчика, являясь неким проводником во взрослый мир, реализуя нередко запретные практики. Легитимность воспитания со стороны брата обеспечивается благодаря его чуть более высокому статусом (старшинство). С другой стороны, информанты отмечают неформальность такого воспитания, включающего в том числе жесткие и «непедагогичные» методы.

В основном моим воспитанием занимался брат. <...> Он за какие-нибудь косяки меня ругал и в некоторых случаях даже бил. Он был таким тираном в моих глазах <...>. Он учил меня простым пацанским понятиям. Мы жили в достаточно удаленном районе города, там был жуткий беспредел <...>. Он меня учил выживать в таком обществе. Он мне показал, как делать «fisk» из руки. <...> Ну и забирал меня иногда из детского сада (Мужчина, 27 лет).

Любопытно, что о старших сестрах информанты обычно не вспоминают. Возможно, это связано с тем, что даже в тех семьях, где девочки занимались

младшими, это воспринимается, скорее, как присмотр и уход, нежели воспитание и формирование личности.

Таким образом, несмотря на кризис семьи и расширение числа агентов социализации, роль семьи в социализации, а следовательно, и воспроизводстве маскулинности остается очень значимой. В воспитании могут принимать участие представители различных поколений, включая братьев и сестер, заканчивая бабушками и дедушками, они используют разные методы, и влияние их различно. При этом наиболее существенную роль в процессе социализации мальчика играют его родители, а особое место занимает отец. Вовлечение отца, в связи с дефицитностью его фигуры, ценится больше, чем забота матери, ему прощаются серьезные недостатки. Если отец не живет с семьей, ценность его фигуры падает в случае нерегулярности отношений с сыном.

Литература

1. Бергер П.Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Т. Лукман; пер. с нем. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX в.). М.: Владос, 1997. 299 с.
3. Бадентэр Э. Мужская сущность. М.: Новости, 1995. 304 с.
4. Федотова Ю. В. Проблема понимания кризиса семьи // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 137–141.
5. Гендерная психология: практикум / Д.В. Воронцов, Л.В. Штылева, Н.П. Реброва и др.; под ред. И.С. Клециной. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009. 496 с.
6. Crespi I. Socialization and gender roles within the family: A study on adolescents and their parents in Great Britain // MCFA Annals. 2004. Т. 3. № 2.
7. Carter M.J. Gender socialization and identity theory // Social Sciences. 2014. Т. 3, № 2. С. 242–263.
8. David D., Brannon R. (Eds.). The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1976.
9. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2009. 704 с.
10. Кон И.С. Маскулинность в меняющемся мире: [Электронный ресурс] // Московско-Петербургский философский клуб. Электрон. дан. 2010–2016. URL: <http://philosophical-club.ru/?an=kon1> (дата обращения: 27.02.18).
11. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
12. Imms W.D. Multiple masculinities and the schooling of boys // Canadian Journal of Education/Revue canadienne de l'education. 2000. № 25 (2). P. 152–165.
13. Aboim S. Plural masculinities: The remaking of the self in private life. Routledge, 2016.
14. Поллак У. Настоящие мальчики. Как спасти наших сыновей от мифов о мальчишестве. М.: Ресурс, 2014. 560 с.
15. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Способы быть мужчиной. М.: Фонд им. Генриха Белля: Звенья, 2013. С. 60–76.
16. Социально-экономическое положение семей и тенденции их жизнедеятельности [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики Электрон. дан. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood (дата обращения: 27.02.18).
17. Здравомыслова О.М. Семья: из прошлого – в будущее. Интернет-конференция «Гендерные стереотипы в современной России», 1 мая – 6 июля 2006 г. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/281530.html> (дата обращения: 27.02.18).

Abramova Maria O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: abra@yandex.ru

Sukhushina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: elsukhush@inbox.ru

Rykun Artyom Yu. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

E-mail: a_rykun@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/41/10

REPRODUCTION OF MASCULINITY: FAMILY AS A PIVOTAL AGENT OF SOCIALIZATION**Key words:** Masculinity, manhood, family, boy's socialization.

Gender socialization teaches boys the patterns of masculinity. The family, the basic agent of socialization, is in crisis today. Model of masculinity is also in crisis (it's mean the erosion of the traditional canon, plural masculinity and conflicting demands on men). This affects influence on the processes of socialization of the younger generation of boys. Empirical data are obtained through a sociological survey - semi-structured interviews with young men. It is considered influence of different family members on the socialization of boys. It is presented that the role of the family in socialization, and, consequently, in the reproduction of masculinity remains is very significant.

References

1. Berger, P.L. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality: A treatise on the sociology of knowledge]. Translated from German by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
2. Zider, R. (1997) *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoy i Tsentral'noy Evrope (konets XVIII–XX vv.)* [Social Family History in Western and Central Europe (the late 18th–20th centuries)]. Moscow: Vlado.
3. Badenter, E. (1995) *Muzhskaya sushchnost'* [The Masculine Essence]. Translated from French by I. Krupicheva. Moscow: Novosti.
4. Fedotova, Yu.V. (2003) Problema ponimaniya krizisa sem'i [The problem of understanding the family crisis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 137–141.
5. Vorontsov, D.V., Shtyleva, L.V., Rebrova, N.P. et al. (2009) *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
6. Crespi, I. (2004) Socialization and gender roles within the family: A study on adolescents and their parents in Great Britain. *MCFE Annals*. 3.
7. Carter, M.J. (2014) Gender socialization and identity theory. *Social Sciences*. 3(2). pp. 242–263. DOI: 10.3390/socsci3020242
8. David, D. & Brannon, R. (eds) (1976) *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
9. Kon, I.S. (2009) *Mal'chik – otets muzhchiny* [The boy is the father of a man]. Moscow: Vremya.
10. Kon, I.S. (n.d.) *Maskulinnost' v menyayushchemsya mire* [Masculinity in a changing world]. [Online] Available from: <http://philosophicalclub.ru/?an=kon1>. (Accessed: 27th February 2018).
11. Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [The crisis of masculinity in the late Soviet discourse]. In: Ushakin, S. (2002) *O muzhe(N)stvennosti* [On masculinity/femininity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 432–451.
12. Imms, W.D. (2000) Multiple masculinities and the schooling of boys. *Canadian Journal of Education/Revue canadienne de l'education*. 25(2). pp. 152–165. DOI: 10.2307/1585748
13. Aboim, S. (2016) *Plural masculinities: The remaking of the self in private life*. Routledge.
14. Pollack, W. (2014) *Nastoyashchie mal'chiki. Kak spasti nashikh synovey ot mifov o mal'chishestve* [Real Boys: Rescuing Our Sons from the Myths of Boyhood]. Translated from English by E. Zhalnina. Moscow: Resurs.
15. Rozhdestvenskaya, E.Yu. (2013) Otsovstvo: liberal'nyy trend ot ottsa k pape? [Paternity: a liberal trend from Daddy to father?]. In: Tartakovskaya, I.N. (ed.) *Sposoby byt' muzhchinoy* [Ways to be a man]. Moscow: Fond imeni Genrikha Bellya, Zven'ya. pp. 60–76.
16. Federal Service of State Statistics. (n.d.) *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozheniye semey i tendentsii ikh zhiznedeyatel'nosti* [Social and economic situation of families and trends in their life activity]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood. (Accessed: 27th February 2018).
17. Zdravomyslova, O.M. (2006) [Family: from the past to the future]. *Gendernye stereotipy v sovremennoy Rossii* [Gender stereotypes in modern Russia]. Inernet Conference. May 1 – July 7, 2006. [Online] Available from: <http://www.ecsoc-man.edu.ru/db/msg/281530.html>. (Accessed: 27th February 2018). (In Russian).